

К 70-летию С. П. ЗАЛЫГИНА

ДЕРЖАТЬСЯ ПРИРОДНОГО ДАРА

Духовные центры не обязательно существуют только лишь в крупных, известных своей культурой городах. И не только в больших и знаменитых коллективах, таких, как Пушкинский дом в Ленинграде. Случается, что их несут в себе отдельные люди, вобравшие в себя столь огромное богатство и с такой мудростью им распорядившиеся, что это воспринимается как чудо. В литературе и литературной науке сразу вспоминаются два имени: академик Дмитрий Сергеевич Лихачев и прозаик Сергей Павлович Залыгин.

Сегодня речь о Сергее Павловиче Залыгине. Мы обычно не обращаем внимания на то, как читатель произносит имя писателя: разумеется, ничего плохого, если он называет его по фамилии, лишь бы читал и знал. Но в том-то, однако, и штука, что если по фамилии, то не читает. Быть может, и знает, поскольку фамилия эта в критических «святцах» и постоянно на слуху, быть может, даже и читал, да остался спокоен к книге и больше не читает, дальше фамилии близости между ними нет. Если еще и по имени — понимание и согласие или есть, или к тому делу идет, этот писатель интересен читателю. Ну, а если по полной форме... В последние годы, мне кажется, не приходилось слышать, чтобы где бы то ни было Сергея Павловича Залыгина называли иначе, чем именно так — по имени-отчеству, с особым уважением и интонацией в голосе, выдающих родство. Иначе его имя не произносится и не звучит. Почему-то не получается иначе, словно для этого потребовалось бы завернуть поперек язык. Не выходит, и только. Объяснить это следует не столько уважением (уважение может быть и холодным), сколько любовью и поклонением.

Давайте попробуем ненадолго представить себе, что среди граждан, так сказать, художественного «государства», созданного в последнее десятилетие нашей литературой, нет ни Степана Чаузова, ни Ефрема Мещерякова, ни Николая Устинова и Ивана Ивановича Саморукова — персонажей книг С. П. Залыгина о гражданской войне и коллективизации в Сибири. Удастся ли предположить, чтобы литература и мы с вами, читатель, обошлись бы без них? Нет, не удастся. Представить такое нельзя. Общая правда, высказанная многими и многими, без их слов, была бы далеко не полной и без их судьбы осталась бы неподтвержденной до конца. Они вышли друг за другом к читателю со столь убедительными голосами и слово их показалось столь необычным своей потерянной обычностью и природностью, что в пору было усомниться, действительно ли они выписаны писательским пером, а не составлены какими-то художественными силами из народного мнения и опыта.

О писателе говорят: «художник слова». Для С. П. Залыгина этого мало. Он художник мысли, причем мысли народной, вникающей в коренные вопросы бытия. Не просто вы-

разитель, а именно художник, высказывающий ее так, чтобы, оставаясь и народной, и мудрой, и органичной, она становилась убедительной благодаря еще и привлекательности, красочности, вызывая в нас эстетическое чувство. Для него, кажется, и внешнее сюжетное движение в книге менее важно, чем движение, и нарастание мысли, имеющей словно бы свою собственную драматургию. Удивительная вещь: мы воспринимаем эту непростую мысль без всякого напряжения, с охотой, будто для нее заранее приготовлено место, чтобы нам сразу сделалось легко и удобно. Удобно в себе — не физическим, а духовным ладом. Состояние редкое и счастливое.

Никто у нас до С. П. Залыгина не писал с таким пониманием дела о народной организации жизни. Конечно, одного знания дела тут мало. Мало добытых в архивах сведений, мало побывать в местах намечаемых событий и разговаривать с оставшимися очевидцами, видеть во всех подробностях время, взятое для книги, в его земном объеме.

Чтобы показать эту организацию, этот порядок жизни так, как показывает их С. П. Залыгин, необходимо иметь какое-то особое чутье на любые мелочи, обладать способностью присутствия и ощущать в себе что-то вроде родовой памяти.

Читая «Соленую Падь», нам и в голову не придет усомниться, что партизанская республика в тылу Колчака могла быть организована как-то иначе и действие могло происходить в другом порядке. Даже сцены боев, которые под рукой «гражданского» писателя, как правило, невольно выдают себя хотя бы едва заметным опозданием слова к моменту наступления события, — и их воспринимаешь с полным и безусловным доверием. Однако и тут С. П. Залыгин остается самим собой — значит, ни в чем не позволяет обнаружить себя, писателя, полностью находясь в шкуре мужика, для которого война — занятие противоестественное и который участвует в ней не просто как боевая единица, во имя правого дела а любую минуту готовая к смерти, а прежде всего как рассудительная, не скинувшая со своих плеч забот о земле личность, среди прочего оружия пользующаяся еще и хитростью, чтобы не потерять попусту голову и без крайней нужды не дать осиротить землю.

Это словно бы самовыражение события и времени,шедшее в писателе Залыгине тот единственный, не способный на сбой, подходящий голос. То же самое можно сказать и о «Комиссии». В «Комиссии» показана народная организация жизни в мирное время. Еще в мирное — на пороге гражданской войны. Вопрос в том, когда — сегодня или завтра — ворвется она в село Лебяжку, где разворачивается действие романа. Старая государственная власть прекратила свое существование, за новую предстоит еще биться. Казалось бы, перед страхом решающих перемен, с одной стороны, и ожиданием их — с другой, по логике вещей не мог устоять никакой порядок. И какова же должна быть сила мирского здравомыслия и вера в будущее общественное благоустройство, насколько важной в поведении хозяйничающего поколения была забота о жизнеобеспечении детей и внуков, если именно в эту тревожную и неустойчивую пору мужицкий сход Лебяжки избирает Лесную комиссию. Подумать только: Лесная комиссия для охраны соснового бора, народного достояния, накануне страшной гражданской войны! Лес — поперед всех других дел! Поневоле воскликнешь: где они ныне, те лебяж-

ские мужики?! Те, которые провозгласили: «Сущность власти — разумный закон и порядок, а всякие человеческие закон и порядок бессмысленны без убеждения людьми природы земли», — слова, больше всего разъярившие вступивших в конце романа в Лебяжку колчаковцев.

Но Лесная комиссия в Лебяжке занимается не одной лишь охраной бора. Как народное представительство она с общего согласия взяла на себя функции полной власти: разбивает самогонные аппараты, собирает мир на строительство новой школы, помогает неимущим и малоимущим, разбирает тяжбы, наказывает нарушителей порядка, которым не терпится бить стекла и поджигать усадьбы. Одним словом, справляет на месте со всей возможной справедливостью не сегодня и не вчера появившиеся писаные и неписаные законы человеческого общежития. Исправляет самостоятельно, руководствуясь совестью и благодеянием.

Нет, была, была у русского мужика государственная голова, и после революции она вскинулась и обнадежилась, как никогда. Его по-прежнему смелый ум высматривал и находил самые надежные и скорые пути для облегчения разоренной жизни. Ни в одном деле эта голова никому не хотела уступать, все ей представлялось по силам. И стоило чуть установиться после гражданской войны миру, стоило пообещать мужику самостоятельность, и он в считанные годы такие проявил грамотность и хватку в самом широком обустройстве жизни, каких от него нельзя было ожидать. Но выяснилось, что были они в нем всегда, и только были придавлены.

«После бури» — так называется последний по времени роман С. П. Залыгина, снова подтвердивший, уже на ином материале, талантливость, инициативность и добросклонность нашего народа, взявшего на себя огромный, для кого другого, быть может, непосильный труд преодолевать многие и всяческие трудности и помехи.

Ни о чем ином С. П. Залыгин, похоже, и не хочет писать. Для него это главная тема: народное сознание в его временных проявлениях и историческом движении, освещение народной сущности среди случайных и сезонных черт.

И ни от чего — ни от случайного, ни от сезонного — он не отмахивается, а снова и снова ищет причины, откуда они взялись и как вышло, что они прижились, что, какие условия способствовали их зарождению. С народом следует быть откровенным, а у писателя другого способа нет, как быть в работе только откровенным, находить такие слова и мысли, которые проникли бы в самую затаившуюся душу. Алесь Адамович вспоминал как-то о своем разговоре с С. П. Залыгиным. Речь шла о том, что неплохо бы каждому народу составить для себя вроде «черной» книги, в которой прежде достоинств от начала до конца перечислялись бы недостатки его характера, — дабы знать, чего опасаться. Сергей Павлович, казалось, не мог сразу решить, нужна или не нужна такая книга. И вышел из положения совсем неожиданно, преобразился вдруг в одного из своих возможных героев и с мужичьей опаской и хитрецой воскликнул:

— Ну да, мы напишем, перед всем светом разболюемся, а они — обманут!

На память приходят слова Петра Калашникова, председателя Лесной комиссии: «...Хорошее надо брать для жизни, худое отбрасывать, и дело народа пойдет! Еще как пойдет! Народ — он же великий! Он все может, до всего дойдет, ему надо только путь-дорогу хорошо определить».

Никакого нет сомнения: Сергей Павлович Залыгин — один из тех, кто и помогает ему «путь-дорогу хорошо определить» в его нравственных, духовных и общественных исканиях.

Сегодня Сергею Павловичу — 70. Трудно в это поверить, читая только что вышедший роман «После бури», зная и наблюдая его в работе. В эти дни не один раз со всей искренностью будет сказано: трудно в это поверить! Не один раз будет помянута его огромная литературная, общественная и подвижническая деятельность, его энергия и неутомимость, правдивое и только правдивое слово, его принципиальная борьба уже не на страницах книг, а на земных, родных верстах за сохранение лесов и пашен. Оказывается, и один человек может очень и очень многое, если человек этот — Залыгин.

Сибирь обязана ему в особенности: перед всем миром он оправдал сибирского коренного мужика, показав его не урманным дикарем, а светлой и толковой головой.

Годы для человека, конечно, многое, но далеко не все. Годы же, отданные на благо дело, имеют какой-то свой счет и по-своему сказываются на нас. Нет, не ради красного словца станут в эти дни говорить о свежести пера и молодости С. П. Залыгина. Возраст — это территория, которую сдают; иные ее сдают старости и в 40 лет, иные держат и в 80.

Я вспоминаю, как совсем недавно большой писательской группой мы ездил в Петропавловск и Мурманск. Только авторитет С. П. Залыгина собрал вместе такие имена, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Гариф Ахунов, Владимир Крупин, Виктор Потанин, Виктор Лихоносов, Владимир Личутин, Анатолий Ким, Георгий Баженов... Поездка была трудной, приходилось и читать, и выступать, и учить, и учиться — все то, что приходится в таких случаях делать писателям, но только в сильно увеличенном объеме. Северяне не упустили возможности использовать нас на полную катушку. Мы уставали. В Апатитах, чтобы посмотреть разработку руд, желанием предложено было встать в пять утра. Поднялись единицы, и среди них С. П. Залыгин. На следующее утро, встретив его в совсем раннюю пору на ногах, я удивился:

— Вы что же, успели отоспаться после вчерашнего?

Сергей Павлович взял меня под руку и засмеялся:

— Да я сегодня уж два часа успел над романом поспать.

«В жизни должен быть дар, иначе одно только и останется ремесло, одна только мастерская и завод, в которых люди начнут строгать и печь свою жизнь день и ночь, без отдыха на обед и сон, а жить им будет совсем некогда».

Дареному коню в зубы не смотрят, а если жизнь будет только ремеслом, а даром — не будет, тогда опять-таки день и ночь для человека останется одно занятие: рассматривать на жизни каждый зубчик, каждый волосок, рассматривать и оставаться недовольным: «Почему сделано вот так, а не вот этак?»

Так рассуждает в «Комиссии» Николай Устинов, озирая землю и небо, которые он, истинный пахарь, представляет в одной упряжке несущих многоликую жизнь.

И как истинный мудрец Сергей Павлович Залыгин подтверждает: «И покуда человек природного дара держится, следует ему — до тех пор будет известно, что такое жизнь людская; забудется указ, и неизвестно станет о человеке ничего — кто он, что он, зачем и почему. И заблудится человек в неизвестности».

Валентин РАСПУТИН.
ИРКУТСК.